

# Станция на горизонте

**Автор:**

[Эрих Ремарк](#)

Станция на горизонте

Эрих Мария Ремарк

Ранний роман Ремарка, в котором он только нащупывает основные темы, ставшие ключевыми в его творчестве...

Автогонщики. Мужчины, живущие на адреналине.

Они – кумиры светских красавиц.

Они зарабатывают большие деньги и рискуют жизнью.

Но в действительности шлемы «королей автогонок» скрывают усталые лица классических представителей «потерянного поколения», так и не сумевших опомниться от кошмара Первой мировой.

Эрих Мария Ремарк

Станция на горизонте

I

Кай вдруг поймал себя на мысли, что уже целый год живет дома, в краю, где прошла его юность, и среди людей, с которыми вместе рос. Всякий раз, когда он

возвращался сюда, он находил их такими же, какими оставил, – графиню Гест с ее пристрастием к лимонному печенью и романтической музыке, седовласого господина фон Круа, брата и сестру Хольгерсен. Только юная Барбара теперь уже не ребенок, как тогда.

Все по-старому сидели на террасе перед господским домом. Двери в музыкальную гостиную были открыты – считалось, что музыка вкупе с осенними впечатлениями настраивает на особый лад. Парк с увядающей листвой служил для этого хорошим фоном. Тем теплее будет потом атмосфера за ужином, – умеренные разглагольствования на тему бренности улучшают аппетит.

Жизнь здесь шла спокойная и оседлая, в близости к земле, подвластная временам года и основанная на злободневных календарных событиях, – важнее было думать о севе и урожае, нежели о сердце. Один жил, как другой, большой разницы не было, здесь знали друг друга слишком давно, чтобы кто-то мог еще чем-нибудь удивить, а поэтому предпочитали встречаться на нейтральной почве разумных практических дел. Никто не роптал, что через небольшие промежутки времени жизнь бесконечно повторяется, и никто не догадывался, насколько разлагает постоянное близкое соседство, порождая вместо живого интереса болтливую скуку.

Ветер подолгу копошился и шумел в верхушках платанов и порой заглушал музыку. За деревьями полыхали запоздалые зарницы.

Кая охватило беспокойство, он внезапно почувствовал, что пока он сидит здесь, наполовину безучастный, минуты и секунды его жизни безвозвратно утекают; где-то меж тем беззвучно катит поток Времени, загадочный и пугающий в своем неудержимом призрачном скольжении, безостановочный, как неумолимо текущая из раны кровь.

Он больше не мог это вынести – под каким-то благовидным предлогом попрощался и пошел к конюшням, чтобы вывести свою лошадь и поскакать через пустошь к себе домой.

\* \* \*

В теплом полумраке, где запах соломы смешивался с дыханием животных, между лошадьми лежала его собака – серо-голубой дог по кличке Фруте. Услышав его шаги, она вскочила и с громким лаем решительно бросилась навстречу.

Во дворе лай перешел в радостное повизгивание. Кай насторожился.

В проеме двери стояла юная Барбара.

– Мне тоже хочется, Кай, проехаться с вами, – воскликнула она, – уж очень вечер подходящий. За пустошью все еще нависает гроза.

Она прислонилась к деннику и смотрела на него. В темноте конюшни лицо ее оставалось затененным, едва обрисовывались рот и лоб – нечто расплывчато-бледное и темное, удивительно манящее. Слабый свет из окон отражался в ее глазах.

Кай видел: что-то тянет ее отсюда, но она и сама еще об этом не догадывается. Она последовала за ним, думая, будто хочет просто покататься верхом, однако здесь было замешано нечто большее.

В тесноте, между телами животных, между гладкой шкурой лошади и светлой шерстью прижавшейся к нему собаки, среди стука переступающих копыт, тихого сопенья и звяканья цепей, он взял ее за руки и проникновенно сказал:

– Барбара, каждый раз, когда я уезжал и возвращался, я замечал, как вы подросли, и было так прекрасно увидеть вас снова. Поверьте, вы не должны никуда отсюда уезжать, ваше место здесь, в этом господском доме с его платанами и липами, с лошадьми и собаками. Человек должен либо вообще не уезжать, либо вообще не возвращаться, ведь по возвращении никогда не находишь того, что оставил, и впадаешь в разлад с собой. Вы, Барбара, должны оставаться здесь, среди этой тишины, чтобы жить самодостаточной жизнью и исполнять ее нехитрые требования.

Ее руки, которые он держал в своих, дрогнули. Она ничего не ответила. Молчание между ними росло, сгущаясь в ожидание.

Кай разбил его, не дав превратиться в нечто значительное:

- Давайте, Барбара, оседлаем вашу кобылу...

Они ехали рядом. За парком начинались луга и пашни, между ними приютилась деревня, дальше шла пустошь с березами, зарослями можжевельника и руническими камнями. Горизонт был затянут тучами. Их темную завесу прорезали извилистые жилы зарниц. Лошади вскинули головы. Ветер, затаившийся возле леса, внезапно ворвался в тихий вечер.

- Но вы ведь опять хотите уехать, Кай?

- Не знаю, возможно. - Кай быстро пригнулся в седле и снова выпрямился. - Возможно, Барбара.

Они поскакали быстрее. Дорога вела вверх, на возвышенность. Оттуда открывался вид вдаль. Кай и Барбара придержали лошадей. Холм был окружен тенями, они крались среди кустов и камней. А за ними, темная и бугристая, растекалась пустошь.

Зарницы стали ярче. В их обманчивом свете всякий раз, как видение, выхваченное из тьмы, представала на горизонте деревня. В ярких вспышках отчетливо виднелись ряды крыш и невысокая светлая башня, которая то загоралась, то гасла, словно все проваливалось в пропасть. Эта картина, мелькнувшая за какую-то секунду, походила на далекий мираж, на странную галлюцинацию, - ведь смену света и тьмы не сопровождал рокот грома.

Полотно железной дороги прямой линией перерезало ландшафт. Его рельсы бежали по шпалам, как заманчивое, пленительное обещание, становились матово-серебристыми и где-то совсем далеко сливались в одну фосфоресцирующую точку.

«Они убегают в бесконечность», - подумал Кай. Спина лошади под ним равномерно поднималась и опускалась, долгий и дальний, тянулся куда-то рельсовый путь. Кай крикнул Барбаре:

- Придержим лошадей, сейчас должен пройти поезд...

По земле прошла дрожь, в глубине ее нарастал гул. Провода на железнодорожной насыпи вдруг зазвенели металлом и запели высоким голосом, состязаясь с грохотом, что становился все сильнее; по равнине, взблескивая, побежала цепочка сигнальных фонарей, словно нить из застывших капель молнии; бесшумно поднялось сигнальное крыло семафорной мачты. Над рельсами вспыхнули огни локомотива и погнали перед собой широкое пятно бледного света: мимо зрителей пронесся экспресс – череда длинных, ярко освещенных вагонов, в окнах виднеются люди, вот кто-то прижался к стеклу – мужчина, женщина? Поезд промчался мимо, над пустошью уже пестро замелькали его задние огни, и гул рельсов стал затихать.

Кай спокойно сидел в седле, натянув поводья. Слово комета, пролетел сквозь ландшафт светящийся остров, неведомо откуда взявшийся и неведомо где скрывшийся, и в нем были люди, которые за несколько часов до того случайно сошлись вместе, а несколькими часами позже поспешат разойтись, – фракт человеческих судеб, летевший сквозь тьму в освещенных купе, а за ними вихрем катился клубок тайн, обращаясь в фантастический соблазн – над краями равнины, из туч и теней, из ночи и земли, казалось, звучат голоса, сбивчивые и сбивающие с толку, море, прибой, что накатывал волнами и звал...

Первый удар грома раскатился над пустошью. Кай распрямился. Он улыбнулся Барбаре и взялся за повод ее лошади.

- Барбара, вы были правы, я хочу уехать, прямо сейчас. Будьте здоровы, я благодарен вам за прекраснейшее мгновение...

Он отпустил поводья и хотел ускакать. Только лицо девушки еще удерживало его, что-то еще надо было сказать, что-то определенное и важное, но оно не укладывалось в слова, не могло себя выразить неуверенно ступающими понятиями, проскальзывало между ними и тонуло в водовороте образов. Торопливо, почти жадно ухватился он за первое, что подвернулось, и крикнул:

- Я приеду опять...

Но и это было невпамятство, однако время поджимало, оно ожило, словно каждая упущенная минута была целой жизнью, лошадь повернула и била копытом,

заразившись нетерпением всадника...

Тут юная Барбара подняла голову и сделала какое-то движение – Кай понял. Он снова повернул шею лошади, ему хотелось большего: подъехать к девушке поближе, он знал – она будет тихо лежать у него на груди, но знал также, что слово «нет» пока еще сильнее, затаенные чувства лежали глубоко, в эту кровь нельзя было заронить тревогу, и он обуздал себя за секунду перед тем, как едва не вскипела волна, властно повернул лошадь, помахал Барбаре рукой и, не ответив на ее взгляд, галопом пустился вниз по склону, к своему дому. Впереди него серебристой лисой сквозь траву летела собака.

Кай въехал во двор, отвел лошадь в стойло, принялся сам ее вытирать, но скоро перестал, отдал конюху щетки и попону и поднялся к себе в комнаты.

Там стояли огромные кофры, подавляющие и властные; окованные металлом, со сбитыми углами; они были потертые и поцарапаны со всех сторон, зато пестро облеплены ярлыками и наклейками отелей, каждый ярлык – станция, череда дней, взблеснувших, как чайки, воспоминание... На ребре одного кофра, переходя с одной стороны на другую, характерный ярлык отеля «Мена Хаус» – пальмы, пустыня, пирамиды, шиферно-серый Нил, военный оркестр, играющий перед столовой для пастухов, площадки для гольфа хелуанского гранд-отеля, заходы солнца за Асуаном; отель «Водопад» – поездка на медлительной арбе прямо в небо нефритового цвета; а вон там наклейка отеля «Галле Фейс» в Коломбо, где прибой добрызгивал почти до окон и где в зале мавританского стиля, наполненном жужжаньем вентиляторов, безмолвно стояли за колоннами два десятка боев-индийцев во всем белом, дожидаясь приказа одинокого гостя принести ему содовой и зеленых сигар; гранд-отель «Гардоне» с его пошло-открыточным видом на озеро Гарда – поездка на моторной лодке сквозь бурлящую пену и солнечный свет, Мод и вечера в Сан-Виджилио; коричневая багажная квитанция железной дороги в Андах – лазанье по скалам и карабканье через пропасти в Кордильерах, на одной из станций – индейский ребенок, еще трогательно беспомощный в движениях, смотревший из слишком просторного пончо потрясающими глазами столетнего старца; таможенные штампы Буэнос-Айреса, Рио – ночи под тропической луной, овечьи пассатом, американка и негр из пароходного оркестра; отели «Медан», «Палас», «Гранд-Ориент», «Приют чужеземца» – яванское высокогорье, бронзовые девушки и ночь напролет гулкий перезвон тысяч гамеланов... [1 - Гамелан – индонезийский национальный оркестр, состоящий из гонгов, барабанов, ксилофонов, металлофонов, отдельных духовых и смычковых инструментов. – Примеч. пер.]

Каждая наклейка была прошлым, каждая становилась теперь будущим, призывом вновь окунуться в жизнь. Эти громоздкие кофры, дерево, латунь и кожа, большие, угловатые и неуклюжие, – ночью в усадьбе посреди пустоши они были радиопередатчиками внешнего мира, антеннами бытия, а их пестрые поблекшие наклейки источали мелодию чужбины.

Кай достал легкий дорожный чемодан, открыл замки, навстречу ему лениво зевнули пустые отделения, вскоре до отвала наевшиеся бельем, костюмами и другими вещами.

Он сразу же все упаковал и тотчас отнес чемоданы в гараж. Потом вернулся и переоделся для путешествия.

Он прекрасно понимал – то, что он делает, нелепо, куда лучше было бы спокойно уладить все дела и уехать хотя бы на час или на день позже; но он не хотел рассуждениями и разумными доводами подавлять в себе это переполнявшее его вольное и пьянящее чувство, бездумно ему поддался и еще усугубил, бросив в этот вихрь всего себя – свои движения, свои слова, свои мысли.

Присев за стол, чтобы наскоро перекусить, он отдал кое-какие распоряжения своему управляющему, подписал несколько бумаг и опять направился в гараж, надел пыленепроницаемый автомобильный комбинезон, свистнул собаку, которая вмиг оказалась рядом, нажал на стартер и тихим ходом пустил машину по двору. Вой мотора постепенно перешел в рев, протяжно и дико загудел над полями клаксон, фары нащупали дорогу, и автомобиль повернул на юг.

В первый день, ближе к вечеру, Кай встретил цыган. Морщинистая старуха, отставшая от табора, чтобы побираться по деревням, чуть было не угодила к нему под колеса. Плюясь от испуга, она прокляла эти колеса и погрозила им своими костлявыми кулаками. Но как только заметила на заднем сиденье собаку, отпрянула от машины и хотела убежать.

Кай окликнул ее. Она нехотя подошла. Он предложил ей сесть в машину, он отвезет ее, куда ей надо. Старуха начала разговаривать с собакой, потом кивнула головой и села.

Кай высадила ее возле цыганских повозок и хотел ехать дальше. Но его остановил какой-то приземистый человек, похожий на хитрого смуглолицего крестьянина. Выразительной жестикуляцией он попросил Кая на часок задержаться, они вскоре станут табором здесь, поблизости. Кай должен принять приглашение, иначе нельзя, коли он не хочет обидеть старуху.

Кай согласился. Повозки свернули на лесную дорогу и выехали на поляну, окруженную деревьями и надежно ими укрытую. Здесь повозки составили в ряд, разожгли костер и повесили над огнем большой медный котел.

Старуха присела перед ним на корточки и принялась половником помешивать его содержимое, бросая туда травы и кусочки мяса.

Суп оказался необычным на вкус и очень острым, как будто в него подмешали спирт. Кай спросил, так ли это, но старуха улыбнулась: «Нет, только травы...»

Она взяла его левую руку и хотела по ладони предсказать ему судьбу. Торопливо и заученно что-то забормотала, потом вгляделась более пристально и умолкла. Кай не стал спрашивать, в чем дело, только достал сигареты и начал всех угощать. Девушки жадно на них набросились, запускали пальцы в коробку и копались, набирая побольше; у одной на руке блеснул агат. Это была изящная рука, с тонкой кистью и длинными пальцами.

Кай искал лицо девушки. Она выдержала его взгляд, но медленно краснела и становилась смуглее и нежнее по мере того, как кровь прилиwała к ее оливковым щекам.

Он что-то ей сказал, девушка покачала головой – она не поняла. Так они и смотрели друг на друга, отгороженные от языковых будней чем-то новым, особенным, что нельзя изъяснить и исчерпать словами.

Кай увидел, что старуха это заметила и собирается что-то сказать. Он быстро пресек ее попытку, адресовав ей какую-то пустую фразу, какой-то вопрос о ее личных обстоятельствах. Она вмиг с профессиональной чуткостью подхватила разговор и пустилась жаловаться на жизнь, но вдруг остановилась, прищурилась глазами, искоса взглянула на Кая и рассмеялась. Потом стала выскивать в котле кусочки мяса для Фруте. Кай поехал дальше.

В Мюнхене он обзавелся «зелеными картами» и визами.

В Кохеле шел дождь. Когда он подъехал к озеру Вальхензе, в ветровое стекло беспорядочно тыркались пушистые снежные хлопья. Двумя километрами дальше лежал снег. На подъезде к Цирльбергу дорога под снегом обледенела. Колеса вертелись вхолостую. Цепей противоскольжения Кай с собой не взял.

Он снял ремни с чемоданов и обернул ими покрышки. Через несколько сот метров ремни перетерлись. Он их связал, оплел проволокой и еловыми прутьями и опять попробовал ехать. На последнем крутом подъеме машина заскользила назад и ее с большим трудом удалось удержать. Кай был вынужден поехать обратно и купить цепи.

Хоть он и понимал, что это единственная возможность двигаться дальше, его, вопреки всякой логике, угнетала необходимость повернуть назад. Охотнее всего он рискнул бы еще раз попытаться взять этот подъем...

С цепями противоскольжения машина единым духом взлетела на гору. Небо очистилось. Синее-пресинее раскинулось оно над горами. До сих пор Кай, в сущности, катил куда глаза глядят; теперь он решил, что поедет на Ривьеру.

Назавтра к середине дня он оставил Альпы позади и помчал сквозь белую пыль итальянских дорог. То справа, то слева от него, то над ним, то глубоко внизу тянулась скоростная электрическая железная дорога. Серпантин широкими петлями спускался к Понтедечимо. К вечеру он был в Генуе. И сразу отправился дальше, в Монте-Карло.

В отеле он принял обжигающе горячую японскую ванну с эвкалиптовым маслом и растерся ментоловым спиртом. Освежившись, достал смокинг и оделся.

В казино он попросил выписать ему карту с зеленым углом для Cercle prive[2 - Частный клуб (фр.)] и мимоходом оглядел большие залы. Английские дельцы средней руки сражались за места с осевшими здесь русскими, с престарелыми американками и позволяли себе минимальные ставки. Между ними было рассыпано светское общество второго сорта вперемешку с кокотками и неизбежными на всех курортах старыми англичанками.

«Как, должно быть, хорошо жить в Англии, – думал Кай, – всех своих старых дев она экспортирует на Ривьеру и в Египет».

В частных гостиных как раз закончилась партия в баккара. Ничего особенно интересного: Кай вышел из казино и прошелся по авеню де Монте-Карло. Позади почты горели два фонаря, освещавшие въезд в порт. Полускрытые темнотой плыли бок о бок парусники и моторные яхты. Автомобили, пытаясь, взбирались вверх по дороге. Справа светились окна Спортинг-Клуба.

Кай вошел и представился. В первом этаже он встретил знакомых.

Гости были в волнении: один русский просадил в баккара четверть миллиона франков. За столом, где играли в трант-э-карант, шесть раз подряд вышло черное; сейчас как раз начиналась новая партия, – игроки с воодушевлением бросились к разложенным картам.

Кай несколько раз понтировал стоя. Напротив него сидел какой-то балканец с впалыми висками. Пальцы у него были унижены кольцами. Оправы демонстрировали всевозможные стили, но камни были сплошь изумруды. Рядом с ним стоял ящичек японской работы, покрытый наполовину черным, наполовину красным лаком. В ящичке сидел паук. Перед тем как сделать ставку, балканец встряхивал шкатулку и в зависимости от того, на какой половине – красной или черной – оказывался паук, ставил на красное или черное.

– А у вас какой талисман? – спросил Кая автомобильный фабрикант Бэрд.

– Зачем мне талисман? – вопросом на вопрос ответил Кай.

– Тогда вам нельзя играть, – серьезно заявил Бэрд. – В этом сезоне ни один человек здесь не делает ставки, не обзаведясь талисманом. Видите вон там рыжую американку? Коровий колокольчик, который она прижимает к себе левой рукой, весит не меньше килограмма. Вы сами убедитесь, что она ни на минуту не отнимает от него руки. Это ее талисман.

– Какое счастье, что она не считает нужным перед каждой ставкой в него звонить, – заметил Кай.

– Не смейтесь. Мужчина напротив нее – бразилец и, насколько мне известно, владелец кофейных плантаций. Посмотрите – рядом с ним сидит маленькая черепаха. Он привез ее с собой. К сожалению, она, кажется, не переносит здешнюю пищу. Поэтому хозяин ежедневно получает для нее из Ниццы салат особого сорта. Прежде чем сделать ставку, он каждую фишку прикладывает к панцирю черепахи. Таким образом он недавно выиграл двести тысяч франков. В том числе и в той партии, в которой шесть раз вышло черное. Перед седьмой ставкой его соседка по столу нечаянно задела рукой черепаху, и та свалилась на пол. Ее хозяин сразу перестал играть и ушел. С этой минуты начало выигрывать красное. Час тому назад черепаха появилась опять, вероятно, вина с нее снята. Но ступайте-ка туда, где рулетка. Справа сидит принц Фиола. Он добился того, чтобы после полуночи за этим столом можно было делать очень высокие ставки.

Кай нашел свободное место и включился в игру. Она мало его занимала. Однако Фиола начал взвинчивать ставки, так что вскоре никто уже меньше тысячи франков поставить не мог.

Явился бразилец, посадил на стол свою черепаху и для начала поставил несколько номеров на оба цвета. Потом оказал предпочтение черному. Игра теперь шла быстрее. Голос крупье стал живее, он отчетливее чеканил свою стереотипную фразу, и удары следовали один за другим с более короткими промежутками.

Кай бездумно смотрел на большую, сработанную из индейского золота брошь американки, цена которой могла сравниться разве что с ее безвкусицей. Позади у него было четырнадцать часов пути, в ушах еще, не смолкая, звучал шум мотора – монотонный, певучий и усыпляющий.

Лишь через некоторое время он обнаружил, что все свои ставки проиграл. Он достал банкноты и положил их на игровое поле. Удивительное ощущение раздвоенности не покидало его, приводя в какое-то странное настроение. Он чувствовал себя легко и раскованно здесь, у рулеточного стола, перед людьми, у которых вся жизнь была сосредоточена сейчас в скупых движениях рук и лишь изредка дергалось веко, лезла вверх бровь, рука отрывалась от своего истинного поля деятельности – рулеточного стола – и поглаживала висок, лоб, волосы, какую-то секунду лихорадочным блеском сверкали глаза.

Однако надо всем и за всем этим стоял легкий монотонный гул; казалось, узорчатые панели стен утончались, делались прозрачными – в некоем

причудливом смешении с настоящим Каю виделись пролетающие мимо цепи гор и лесов, залитые солнцем вершины, пурпур заката на склонах, – пути-дороги, по которым сегодня промчал его ветер часов; но в то же время он замечал малейший поворот в игре и продолжал понтировать.

Он чувствовал себя чуть ли не богом в этом парении над двумя сферами, в пребывании здесь и одновременно где-то еще, оно примиряло его с памятью о многих горестных минутах, когда он остро ощущал свое человеческое бессилие, ведь в данный момент всегда присутствовало лишь что-то одно и невозможно было пребывать сразу на всех фронтах бытия.

Перед Каем росла куча фишек и кредиток. Они перекачывали к нему от бразильца. Принц Фиола наблюдал за Каем и поставил теперь небольшую пачку банкнот на те же номера, что и он. Почти все остальные тоже последовали примеру Кая: безошибочным инстинктом завзятых игроков они чуяли серию удач. Только озлобленный бразилец сидел возле своей черепахи, сильнее и громче обычного постукивая фишками по ее панцирю.

Кай с иронией сказал Бэрд:

– Похоже, ко мне питают большое доверие.

Бэрд не сводил глаз с уже завертевшегося колеса.

– Пожалуйста, не смотрите туда, пока шарик не остановится.

Кай засмеялся: «Но Бэрд...» – и отвернулся.

В ту же секунду шарик запрыгнул в лунку с цифрой «7» и остался там лежать.

Кай выиграл.

Бэрд сиял.

– Теперь вы должны перестать.

Но потом на его лице отразились все возможные оттенки изумления, ибо Кай поставил большую сумму опять-таки на семерку.

На него смотрели с удивлением: как он мог сделать такую ошибку, ведь если серия доведена до конца, никто ее не повторяет, а начинает понтить заново. Никто, кроме Кая, на семерку больше не ставил. С некоторой долей лукавства обвел он взглядом окружающих и подумал: нет никакой разницы между ними и компанией вокруг графини Гест. Они всегда делают только то, что разумно и правильно, и это просто ужасно...

Кай проиграл. Интерес к игре у него пропал; он встал, чтобы закурить сигарету и пойти взглянуть на собаку, которую оставил в машине.

Принц Фиола последовал за ним и представился. Они решили пойти на террасу казино, там должен был играть креольский оркестр.

Ночь воздвиглась перед ними стеной из черного стекла. Однако позади отеля «Париж» ветерок, веявший с моря, претворял это стекло в черные шелковые флаги, ласковые южные флаги.

Перед зданием почты стояла машина Кая – глина под грязезащитными крыльями, оси заляпанные, покрытые пылью, пострадавшие от езды по горным и проселочным дорогам. Эта машина резко отличалась от длинного ряда припаркованных здесь же сверкающих лимузинов, блестящих лаком и никелем, – единственный низенький спортивный автомобиль, грязный и великолепный.

Фиола указал на него.

– Это моя машина, – пояснил Кай.

– Вы приехали сегодня? – спросил Фиола.

Кай кивнул:

– Три часа тому назад...

Они прошли было мимо машины, как на ее заднем сиденье вдруг что-то зашевелилось. Высунулась голова, и послышался жалобный лай. Кай рассмеялся:

– Фруте!

Одним прыжком собака выскочила из машины и подлетела к хозяину.

– Давайте зайдем в «Кафе де Пари» – собаке еще причитается ужин.

Кай выбрал среди холодных отбивных котлет, какие еще оставались, несколько лучших кусков и проследил, чтобы их дали собаке. Когда она облизывалась, наевшись, он жестом приказал ей идти в машину. Фруте послушно затрусил туда, но прежде чем взобраться на сиденье, попробовала надуть хозяина. Она вздрогнула, будто услышала свист, и большими прыжками понеслась назад. Однако в последний момент у нее словно бы проснулась совесть, она нерешительно остановилась в нескольких шагах от Кая, опасно склонив голову набок. Кай погрозил ей пальцем, она отвечала укоризненным лаем, еще с минуту упорствовала, потом, смирившись, повернула обратно к машине.

На террасе танцевали под открытым небом. Для этого между столиками был оставлен свободный квадрат. Оркестр едва можно было разглядеть за барьером музыкальной беседки, казалось, будто играет сам этот павильон. Над головой нависало небо, полное звезд.

Было слышно море. Моторная лодка проложила в воде пенную борозду. Далеко-далеко, на большом расстоянии от остальных, виднелся одинокий парус, ярко озаренный светом откуда-то снизу, из лодки. На темной поверхности воды он казался каким-то ненастоящим; резко выхваченный из тьмы, он бестревожно стоял там, словно светящийся сам по себе магнетитово-меловой утес.

Креолы умели так искусно импровизировать, что знакомая музыка в их исполнении поражала своей новизной. Мелодии танго, какие они играли, были проникнуты глубокой грустью. Под них было хорошо танцевать.

Фиола смешивал себе мартини. Он приостановил свое занятие и сказал Каю:

– Вы только взгляните на эту женщину: как она держит голову, какая линия идет у нее от висков к щекам и подбородку. Поздно, она уже скрылась...

Через несколько минут волны музыки принесли женщину обратно. Она была запелената в парчу, и невозможно было определить, во что она одета – в платье или просто в кусок невероятно ловко задрапированной ткани. Узкие бедра начинались у нее очень высоко, на суставе играл отблеск света. Голову она слегка откинула назад, обнаженные плечи играли, сообщая трепет рукам. Все в ней было не вполне отчетливо – это и создавало волшебство.

Скудное освещение спасало от разочарования, которое могли бы принести более четкие контуры. Эта тающая в сумраке, уносящаяся вместе с музыкой женщина была в тот миг каким-то чудом.

– Как счастлив человек, когда его не слишком мучают метафоры и он наделен живой фантазией, – сказал Кай, – он способен тогда претворять подобные мгновенья в нечто почти романтическое. И насколько же ему лучше, чем тому мужчине, что танцует сейчас с этим парчовым созданием. Он знает, любит ли она десерты, какое предпочитает вино и о чем охотней всего болтает. Для него это женщина, возможно, любимая женщина, а для нас она, – он взглянул на бокал Фиолы, – я вижу, вы уже выпили свой мартини, поэтому я могу выразиться более точно: для нас она символ вдохновения. Это почти вершина того, чего можно желать.

Фиола задумался.

– Может быть. Такие встречи где-то на периферии чувств полны особой прелести. Почему вы считаете, что каждый шаг поближе приносит разочарование?

– Он не приносит разочарование. Он просто гораздо меньше дает. Уточняет, проясняет, завязывает отношения и – скажем прямо – снимает чары.

– Это теория.

– Конечно, – согласился Кай, – и было бы очень глупо следовать ей в жизни. Это вообще нелепость – жить согласно принципам, хоть бы и безупречным. Теория – это лекарство, ее принимают, когда она необходима и, по возможности, с

примесью софизмов.

- Это удобно.

- Всякое удобство имеет прежде всего то преимущество, что оно удобно. Есть у него и другое: что оно легко подворачивается под руку. Почему бы не использовать все это как двигатель для собственного существования?

- Для такого взгляда имеется превосходное определение: аморальный, - заметил Фиола и слегка поморщился.

- К тому же он нелогичен, и это хорошо. Прогрессивные убеждения насквозь пронизаны логикой. Она составляет гордость целых поколений. Но чувство она парализует, если подразумевать под этим не сантименты, а то гибкое и весьма активное движение души, что сродни спинному хребту кошки - эластичное, пружинящее, всегда готовое к прыжку. Логика создает такую великолепную, такую образцовую ситуацию превосходства, что всякое предположение, будто и вне ее могут найтись достойные внимания области, рассеивается. Так самое существенное остается обособленным и недостижимым для профессоров и банкиров.

Фиола насмешливо дополнил:

- Для деловитых и старательных.

Кай достал сигареты.

- Не будем забалтывать наше возвышенное настроение.

- Я полагаю, что мы подводим под него солидный фундамент.

- Это еще хуже. Надо что-то делать.

Креолы пели теперь под аккомпанемент своих банджо и саксофонов. Между силуэтами сидящих снова показался профиль танцующей женщины.

– Вы правы, – молвил Фиола. – Надо что-то делать. Когда видишь, как танцует эта женщина, хочется даже сделать что-то необыкновенное. – Он улыбнулся Каю белозубой улыбкой. – Не попробовать ли нам сорвать банк в рулетку?

– Идет.

Они ушли с террасы.

– По-моему, мы весьма решительны, – радостно заметил Фиола.

– Весьма. У нас хорошая основа.

– Я бы сказал, что даже мораль на нашей стороне.

– Тем осторожней будем мы делать ставки.

Перед входом в казино Фиола достал фишку и бросил ее назад через плечо.

– Жертва Меркурию.

– Нет, Венере. – Кай указал на стофранковую кокотку, которая с изумлением подобрала нежданный выигрыш, упавший к ее ногам, и посылала им воздушные поцелуи. – Это наверняка к счастью.

Некоторое время они присматривались к рулеткам. Кай поставил первым. Фиола делал себе пометки. Шла большая и жесткая игра, уже далеко не шалость, даже не развлечение, – царил азарт, который требовал напряжения всех нервов. Зал был насыщен флюидами.

Несколько раз выпал «зеро», и банк загреб столько денег, что балканец разбил свою шкатулку с пауком и вышел из игры. Его место заняла пышнотелая дама-бельгийка. Она восседала, как наседка, на подушках, коими велела выложить себе кресло, и гребла над столом жирными, вялыми движениями рук.

Кай прощупывал рулетку. Он уже три раза удачно ставил на красное, теперь, рискнув всем выигрышем, попытал счастья на нечет, обеспечил себе первую дюжину, утроив сумму, прибавил еще комбинацию из четырех номеров, и все деньги поставил на семерку. Больше у него с собой не было ни гроша.

Напряжение игры завладело им теперь с такой силой, что для него уже не существовало ничего, кроме зеленого стола, который, казалось, был столь насыщен энергией, что едва не лопался. Вихрем вертелось на нем колесо с номерами, заставляя всех затаить дыхание, пока молнией не сверкнет какое-то число, – вот оно выделилось, стало крупным и четким, поглотило шарик, закачалось, понемногу замирая, и встало, став обыкновенной лункой: семерка. Кай выиграл.

Он уже расслабился, как ему вдруг пришло в голову, что ведь повторилась ситуация, которая была час тому назад. Казалось, время повернуло свое колесо обратно и предоставляет ему еще один шанс. Мгновенье властно захватило и увлекло его, он сделал то же, что и раньше, – еще раз поставил на семерку.

Фиола, успевший уже все проиграть, пытался его предостеречь. Даже крупье заколебался. Кай тем не менее своей ставки не изменил. Он проиграл и поставил опять.

Лопаточка крупье трижды загребла высшую ставку обратно в кассу банка. После еще нескольких ударов место напротив Кая опустело. Банк возместил себе потерянное.

Кай хотел встать. Но, оперевшись о стол, почувствовал под рукой фишки – кто-то незаметно ему их подсунул. Только теперь обратил он внимание на женщину, которая уже давно сидела с ним рядом и играла; он опешил – это она подсунула ему фишки. Очень тихо и твердо женщина сказала:

– Вы должны открыть следующую игру.

Несколько секунд Кай колебался. Игра не была уже цепью отдельных ходов, которую можно произвольно прервать, она стала самостоятельной силой, подчинила весь стол собственному деспотическому закону. Почти безраздельно завладела она ситуацией, отменив все иные понятия. Весь зал превратился в сгусток ожиданий и предощущений, пронизанный лихорадочной дрожью...

Наверное, люди, сидевшие здесь и чувствовавшие себя спаянными в единый фронт, понимали Кая и не помешали бы ему взять чужие фишки и продолжить игру, ибо настоящему игроку ведома та магия приливов и отливов, что сопровождает партию и ей предшествует; он знает, что пропущенный ход может все уничтожить и что он невосстановим.

Каждый в этой распаленной страстью группе игроков чувствовал, что близится решительный момент, что Каю предстоит напряженная борьба, и каждый готов был поставить тоже. Никто не заметил, что у Кая уже нет денег на ставку, иначе его знакомые пришли бы ему на помощь. Он и сам мог бы к ним обратиться, но игра шла так быстро, что ради этого ему пришлось бы пропустить как минимум один ход. А именно этот ход мог бы оказаться решающим, – пропустить его было бы ошибкой, начинать же после этого сызнова – нелепой и безвкусной попыткой подражания. Предстоящая игра, только эта предстоящая игра властно требовала от Кая, чтобы он сделал ставку.

Крупье уже механически повторил свою фразу и взглянул на Кая. Кай видел, что Фиола понял его положение и торопливо пишет что-то на своей визитной карточке, чтобы передать ему через стол; он чувствовал там, напротив, и здесь, рядом с собой, родную кровь. В последнюю минуту он двинул фишки незнакомки на красное и сейчас же получил вдвое большую сумму.

Сдержанно поблагодарив незнакомку, он вернул ей долг и поставил на нечет, на красное и на две цифры. Цифры вышли.

Партия в три хода отняла у бельгийки все ее фишки. Она зло рассмеялась и вышла. Зато явилась черепаха с целой грудой банкнот и густо исписанной записной книжкой; талисман плюс система – разве это могло не сработать?

И все-таки не сработало. Кай пытался перетянуть к себе банк. Женщина с ним рядом поняла его намерение и тоже перешла в наступление. Фиола занял денег под свои визитные карточки и тоже возобновил игру. Однако банк пока что выплачивал выигрыши только по мере поступления денег, поскольку бразилец очень сильно проигрывал.

В комнате был еще один рулеточный стол. Фиола встал и сделал ставку также и там. Кай последовал за ним. Прошло немного времени, и черепаха скрылась. Зато явился Бэрд и присоединился к тем, кто атаковал банк.

Известие об этом отчаянном поединке быстро распространилось. Остальные залы опустели. Люди столпились вокруг столов, некоторые еще держали в руках газеты из читального зала. Один крупье даже обсчитался – неслыханное происшествие.

Лихорадка распространялась, как наваждение. Все большее число людей делало ставки и принимало участие в битве. При всей решимости игроков они вели себя осмотрительно. Больше всего народу собиралось на местах, где делались удвоенные и утроенные ставки.

Банк понемногу оскудевал. Он, правда, взял еще несколько солидных кушей, но в среднем больше терял и вынужден был черпать из резервов.

Фиола и Кай в конце концов дошли до крайности. Они сосредоточили свои наивысшие ставки всего на нескольких игровых полях, которые тотчас заполнили и другие игроки. За одним из столов удар оказался удачным. Банку пришлось за него платить столько, что не хватило наличности. Крупье был вынужден просить немного подождать.

Публика в большом оживлении кинулась к другой рулетке. Настроение было таким восторженно-братским, что им проникся даже шарик. Первая же ставка принесла максимум en pleine[3 - Сполна (фр.).] по таким высоким обязательствам, что и здесь пришлось сделать перерыв и пойти за деньгами. Сразу же, словно морской прибой, вдруг начал набухать разговор. В Спортинг-Клубе произошла сенсация, которая стала темой пересудов на три дня вперед: в одном игорном зале полностью сорвали банк.

Кай вышел из клуба в превосходном настроении, словно удачно завершил тяжелую работу. Те, кто там еще жестикулировал и двигался, его больше не интересовали.

Он ощущал в теле легкость, которая побуждала к озорству; для него было не так важно, что он выиграл, – он даже не был уверен, что собрал и спрятал все деньги, – но он чувствовал, что этот день, представлявшийся ему теперь, по своему построению, в виде крутой спирали, оказался хорошим днем и придал ему нечто пружинящее и легкое, словно он обрел тысячу союзников.

Он направился прямо к своему автомобилю, который ждал его как друг, низко распластавшись на колесах, примечательный своими типично спортивными очертаниями.

На капоте радиатора образовалась глиняная корка. Кай отламывал от нее куски и бездумно растирал между пальцами. Потом достал носовой платок: он заметил, что никелевая отделка покрыта серым налетом, и отчистил кусочек до блеска.

Внезапно его охватило живое, осознанное стремление, – он бросил платок и включил мотор. Ему захотелось съездить в Ла Тюрби, поднявшись по Гранд-Корниш,[4 - Большой карниз (фр.) – горное шоссе вдоль Лазурного берега. – Примеч. пер.] и этим впечатлением завершить день.

Фруте просунула голову к нему под мышку и мешала вести машину. Медленно, с остановками он развернул автомобиль. Авеню де Монте-Карло будто вымерло, только какая-то одинокая фигура поднималась по нему со стороны бульвара Ла Кондамин. На голове – маленький ток, под ним слегка размалеванное лицо, усталый рот.

Каю показалось, что это та самая кокотка, которая подобрала фишку Фиолы. Она подошла поближе, нерешительно остановилась и улыбнулась. Так она и стояла, тоненькая и никчемная на фоне пустынной улицы и возвышавшегося за нею горного массива – крошечный комочек жизни перед рядами фонарей и молчанием, – и улыбалась жалкой профессиональной улыбкой, растерянная, как животное, которое не ведает, чего ему ждать в ближайший миг.

Эта улыбка тронула Кая; она выражала больше, чем громкая жалоба, – трагизм, о коем сама маленькая кокотка и не догадывалась. Пожалуй, тут и не было трагизма для нее лично – для существа, отупевшего под амальгамой оплаченных чувств; трагично это было лишь для другого, кто видел за ней нечто человеческое – за ней, а не в ней...

Кай открыл дверцу:

– Я хочу немного прокатиться. Не желаете ли составить мне компанию?

Она не удивилась – профессия приучила ее ко всяким странностям. Просто кивнула и молча села в машину, – что за этим последует, выяснится достаточно скоро.

Они проехали по круговой дорожке перед казино, свернули на авеню де Спелюг, оставили позади себя отель «Мирабо» и стали постепенно подниматься в гору. Мотор с легким бульканьем всасывал через карбюратор поток воздуха; они ехали все быстрее. Слева выросла скалистая стена, отвесная и прямая, ландшафт справа начал смещаться; иногда он расстился где-то вдали за парапетом низким каменным ограждением дороги, похожий на расшитый светлыми точками парус, – потом опять исчезал и видно было только небо.

Кай включил фары и прожектор-искатель, косой луч которого заскользил рядом с машиной. Метров на сто вперед дорога была вовлечена теперь в блеклую, призрачно катящуюся жизнь, – из тьмы вдруг выскакивали пальмы, делались все больше, чернее и толще и вмиг пропадали где-то сзади.

Луч искателя не отставал от машины, как гончая собака, и, как светящийся заостренный палец, как световая игла, выхватывал вдруг что-то незнакомое – виллу с белой оградой, причудливо разветвленное дерево, обломки скалы, садовые тропинки, которые в четкой округлости кадра виделись где-то невероятно высоко, словно висели в воздухе и вели к звездам.

Перед ними разворачивалась панорама ночи. Линия берега изгибалась грандиозной дугой от Бордигеры до мыса Антиб. Глубоко внизу – широкие горбы скал Монте-Карло и Монако, расположившиеся в волнах, как буйволы, на чьих спинах играют светлячки. Море выпускало тихие и долгие вздохи и где-то вдалеке сверкало пеной. У ветра был солоноватый привкус.

На склонах несколько раз возникало светлое пятно и, ширясь, летело им навстречу: фары другой машины, позволявшие задолго до встречи с ними проследить, как они проносятся вдоль садов и тропинок. Чаще всего они сворачивали и скользили по нижней дороге у моря. Но один раз то и дело мелькали на высоте, потом, после подъема и снижения, с внезапно разгоревшимися глазами появились на скалистой дороге, пригасли и умиротворенно прожужжали мимо в виде большого лимузина. Свет внутри позволил разглядеть, что там одиноко сидит старая женщина; соскользнувший на спину меховой палантин обнажил ее плечи, под стать молодой девушке.

Поднявшись на уровень Ла Тюрби, Кай повернул назад. В течение всей поездки девушка рядом с ним не шелохнулась. А он бы и не знал, о чем ему с ней говорить. Когда снова показалось казино, он спросил:

- Куда мне вас отвезти?

Тени у нее на лице стали более строгими, а лоб и подбородок обрисовывались даже резко. «В сущности, она хорошенькая», - думал Кай, дожидаясь ответа.

Секунду она смотрела на него и спокойно сказала:

- Куда вам будет угодно.

Только в следующий миг до нее дошел смысл вопроса. Смущенно и торопливо она прибавила:

- На бульвар Ла Кондамин.

Лицо ее опять снигло. Она забилась в угол сиденья и уже взялась за ручку дверцы, словно больше не могла терять время.

Мысли Кая непрестанно витали где-то вдали от нее. Охваченный радостным возбуждением, он хотел доставить удовольствие кому-нибудь еще и потому взял ее с собой. Но он не заметил, что в течение их поездки кокотка на время превратилась в женщину.

Когда машина миновала Спортинг-Клуб, Каю вспомнилась сцена с фишкой, которую бросил Фиола. Он взял сумочку, лежавшую между ними, наполнил ее фишками, защелкнул замок, затормозил и сказал:

- Сегодня вы принесли мне счастье - теперь так пойдет и дальше.

Она немного помедлила, прежде чем взять сумочку, и Кай вдруг подумал, что она, чего доброго, уйдет без нее. Но потом девушка усталым движением все же взяла ее - ведь для нее это была значительная сумма. Привычка никогда не отказываться от денег одержала верх. Она ушла, отнюдь не рассыпаясь в благодарностях.

Кай слишком поздно осознал, что не только сделал ошибку, но и был груб. Ему хотелось сказать девушке что-нибудь приятное – например, что он был бы очень рад увидеться с нею завтра, потому как приехал только сегодня и еще слишком устал. Но что бы это дало? – лишь отодвинуло бы развязку, да и, возможно, девушка его вообще не поняла бы. Так что он просто подождал, пока она не спустилась по авеню де Монте-Карло – маленькая фигурка на фоне пустынной улицы...

Со стороны Спортинг-Клуба донеслись шаги покидающей его публики. Какая-то дама наискосок переходила улицу. Канделябр лил желтый свет на ее лицо. Это была та самая женщина, что подсунула Каю фишки. Она была одна и, не оглядываясь, села в лимузин.

Кай вдруг почувствовал себя бесконечно усталым.

## II

Он проснулся далеко за полдень. Фруте разбудила его довольно громким воем, она требовала, чтобы ее вывели гулять. На вечернюю прогулку хозяин и собака поехали в Ниццу. Но Фруте в тот день вела себя необычно: на Английской набережной она опять стала выказывать нетерпение и принялась бесцеремонно протискиваться между гуляющими – как выяснилось, ради того, чтобы бурно приветствовать одного из них, настолько бурно, что остальные начали почтительно обходить эту пару.

Человек, к которому кинулась собака, опешил и стал озираться. Встретившись глазами с Каем, он поспешил к нему.

– Вот это сюрприз! Должно быть, вы приехали совсем недавно, иначе я бы заметил вас и Фруте.

– Только вчера, Льевен. А в Ниццу – только сегодня.

Льевен погладил дога по голове.

– А помните, как вы хотели подарить мне Фруте перед отъездом из Сурабайи? Тогда она была еще щенком, а теперь такая здоровенная.

– Сегодня я и не стал бы ее дарить. Сколько времени прошло с тех пор, как мы не виделись?

– Два года.

– Два года. Время спешит, как плохие часы. Я хочу сказать, что с таким же успехом это могли быть два месяца.

– Так много всего произошло?

– Так мало. Год я прожил довольно спокойно. Отчасти из расчета, отчасти из сентиментальности. Мне это пошло на пользу.

– Старая болезнь. Тяга к оседлости. Она, как малярия, нападает на человека через определенные промежутки времени. Теперь я пытаюсь ее лечить, навещая Кинсли. Он женился, любит фаршированных гусей и серьезное чтение. Это отпугивает на год вперед. Сколько вы намерены здесь пробыть?

Кай пожал плечами:

– Не знаю.

– Значит, мы встретились вовремя. Завтра я еду в Монцу. Хотите поехать со мной?

– Там будут гонки?

– Очень скромные, спортивного значения они не имеют. Но для меня они чрезвычайно важны. Несколько лет назад я купил пакет акций одного автозавода. Теперь мое положение в этой компании настолько упрочилось, что я с ними сотрудничаю. Мы сконструировали новый и очень хороший автомобиль, развивающий большую скорость. Его надо испытать. На завтрашние гонки мы заявили только одну машину, чтобы, не привлекая к себе особого внимания, проверить, как она будет вести себя при более длительной эксплуатации. Мы

тренируемся с дальним прицелом – я хочу произвести фурор в гонках на Гран-при Европы. Поэтому мы не станем выжимать из машины все возможное. Пока что нам не нужна победа – только проба. Вас это интересует?

– Да. Я поеду с вами.

Они пошли вместе ужинать и заняли столик под открытым небом. Так приятно было спокойно посидеть, перебирая прожитые бок о бок годы, как дети перебирают крошки печенья.

Бронзовые фигуры перед отелем «Амбассадор» держали в руках светящиеся шары. Позади отеля «Негреско» всходила луна. Безвкусный павильон возле мола показался более сносным, когда из его окон на воду стал литься электрический свет. По набережным, словно моторизованная армия, в несколько рядов проносились машины. Шум приборя смешивался с жужжаньем моторов.

Льевен заехал за Каем. Он взял с собой шофера, который должен был остаться в Монце, чтобы помочь механикам. Они ехали с умеренной скоростью. Дорога была переполнена автобусами, где сидели образованные представители среднего класса, а гиды с мегафонами просвещали их по части географии.

Описав дугу, дорога затем круто пошла вниз, предвещая еще невидимый поворот.

Сзади раздался резкий сигнал.

Льевен предостерегающе поднял руку, но при этом еще свернул в сторону, чтобы дать проехать другой машине.

Большой двухместный автомобиль уже выставил свой капот и пытался на высокой скорости их обогнать. Сидевшая за рулем женщина слишком поздно сообразила, что двойной поворот лишает ее свободы маневра. Тем не менее она попыталась быстро обогнать автомобиль Льевена.

Вдруг она услышала гудок машины, выезжавшей ей навстречу из-за поворота, и так растерялась, что повернула слишком рано. Хотя Льевен и затормозил,

расстояние между ними сократилось настолько, что двухместный автомобиль зацепил его машину и покорежил ей грязезащитное крыло; в результате ее так занесло, что Льевену пришлось резко крутануть руль в противоположную сторону, чтобы не соскользнуть вниз.

Две машины стояли, сцепившись одна с другой. Льевен включил пронзительный предупреждающий сигнал. Кай выскочил и побежал за поворот, чтобы остановить встречные машины. В двухместном автомобиле сидела дама. Она вела машину одна. Бледная от испуга, она не сводила глаз с Льевена. Он пожал плечами:

- Не повезло.

- Это была моя вина, - поспешно сказала дама.

- Когда имеешь дело с автомобилями, о чьей-то вине говорить не приходится, - ответил он. - Это была досадная случайность. Надеюсь, мы сможем починить вашу машину.

Шофер разнял сцепившиеся крылья. Льевен осторожно отвел свою машину назад и мог теперь ее осмотреть.

- Только это погнутое крыло, - пустяк, все остальное в целости и сохранности.

Он отогнал машину на обозримое место, потом вместе с Каем вернулся обратно, чтобы обследовать двухместный автомобиль. Дама вышла и в растерянности стояла возле радиатора.

Льевен завел мотор и прислушался к нему. Он был в порядке.

- Полагаю, вы можете ехать, - сказал он с сожалением, включил скорость и выжал сцепление: в машине что-то закрипело, но она не тронулась с места.

Льевен радостно воскликнул:

- Наверно, барахлит коробка передач, - и стал включать одну скорость за другой. Машина не реагировала.

Шофер выбросил из нее подушки и ступеньки и поднял домкратом задний мост, так, что колеса зависли над землей. Они не вертелись, когда работал мотор.

Льевен кивнул молодой даме:

– Мы уже нашли. Поврежден либо задний мост, либо дифференциальная ось. Это можно исправить только в мастерской.

– Может, просто выскочил какой-нибудь болт, – успокаивающе сказал Кай. – Я предлагаю дать хорошенько осмотреть машину в ближайшем городке. До него мы ее дотащим без труда.

– Дотащим-то с удовольствием, – засмеялся Льевен, – да только для этого нужен стальной трос.

– А нельзя оставить машину здесь и кого-нибудь за ней прислать? – спросила молодая дама.

– Если оставить, то присылать кого-то уже не понадобится. На этом малозаметном месте ее разобьет вдребезги первый же автобус, особенно если за рулем будет итальянец с амбициями гонщика. А они там есть у каждого. Раздобыть трос не проблема.

Кай принялся останавливать проезжающие легковые машины. Трос? В ответ с сожалением качали головой. Тогда он преградил дорогу первому же туристическому автобусу. Целый рой пассажиров с любопытством высунулся наружу.

Кай вступил в переговоры с водителем и на самом деле раздобыл у него трос. Дав этому человеку свой адрес, он пообещал, что отошлет трос в автобусный парк.

Но у водителя разыграло профессиональное честолубие. Он бросил свой автобус и пассажиров, залез под поврежденный автомобиль и, лежа между колесами, выкрикивал, что он там обнаружил.

Его спутник с мегафоном стал его звать. Но тот только глубже забирался под машину. Смирившись, гид в ожидании водителя стал подробно рассказывать пассажирам о здешней местности.

Наконец, с некоторым применением силы, удалось-таки вытащить водителя из-под машины. Но прежде чем он перестал заниматься поломкой и вспомнил о своих обязанностях, пришлось надавать ему полные руки сигарет.

Шофер Льевена крепко соединил тросом оба автомобиля и сел в двухместный, чтобы им управлять.

Выяснилось, что его владелица – мисс Мод Филби – направлялась в Геную.

– Мы едем туда же, – заметил Льевен, – и по пути завернем в ремонтную мастерскую.

Они сидели все трое рядом. Машина тронулась. Обернувшись назад, Льевен крикнул:

– Тормоза работают?

– Да!

– Тогда, несмотря на прицеп, мы можем ехать быстрее, – сказал он, успокоившись, и принялся беседовать со своими спутниками.

Двадцатью километрами дальше они увидели светящуюся вывеску автомастерской. Машину втащили вовнутрь и демонтировали мост. Через час вышел шофер и сообщил, что срочный ремонт не имеет смысла, надо заказать запасные части. Через три дня машина будет на ходу.

Льевен вопрошающе взглянул на Мод Филби. Она кивнула:

– Я оставляю машину здесь. Если вы можете довезти меня до Генуи...

Он вежливо сказал:

- С удовольствием. Но мы едем дальше Генуи. Может быть, вам тоже надо дальше?

- Нет, только до Генуи. Меня там будут ждать.

- Так что, поехали?

Время поджимало. Льевен ехал быстро. С моря дул бриз. Вода была совсем синей. Небо и море составляли хороший фон для профиля американки. Лицо ее казалось произведением скульптора. Оно было виртуозно покрашено.

Кай предоставил Льевену вести разговор. Незнакомка принадлежала к тому типу женщин, которых с первого взгляда нельзя вполне точно классифицировать. К тому же она была американка, а это чрезвычайно затрудняло задачу. Будь она европейкой, ее можно было бы принять за изысканную даму полусвета; будучи американкой, она могла с таким же успехом оказаться женой страдающего печенью биржевого маклера.

Судя по всему, она была женщина экзальтированная, с претензиями, и отличалась особым, вполне американским свойством - путать вежливость с галантностью.

В Генуе она с ними распрощалась. Кай и Льевен поехали дальше, в Милан.

- Хорошенькая девушка, - сказал Льевен, - ее желтый кабриолет уже не раз попадался мне на глаза. Она, видимо, живет в Ницце.

- При обгоне она немножко неосторожна, Льевен.

- Зато тем осторожнее в разговорах.

- Стало быть, она здесь одна и, вероятно, не замужем. Это происшествие она приняла так легко, что не трудно угадать: подобные происшествия для нее не редкость и она не придает им значения.

- Если вы правы, Кай, то открывается довольно-таки неплохой шанс.

– Напротив: будь с нею здесь муж, тогда и впрямь был бы шанс.

– Я вообще-то нахожу, что она очень даже ничего, – задумчиво проговорил Льевен, – и, кажется также, не из тех, кто устраивает сцены при расставании.

– Какой вы практичный человек, – похвалил Кай собеседника, – это же замечательно удобно – начинать любовную связь сзади наперед и принять необходимые меры предосторожности, прежде чем рельсы чувств пойдут под уклон. Фантастически практично.

Льевен приосанился.

– Долгая жизнь...

Кай, смеясь, перебил его:

– Знаю-знаю: она научила вас во всех любовных делах первым делом обозначать границы, ибо ни в одной другой сфере катастрофа не может разразиться по такой пустяковой причине, как в этой. Но на меня это не производит впечатления – предусмотрительность, и ничего больше.

– Если исходить из задачи стопроцентно использовать данную тебе жизнь, тогда то, что вы называете предусмотрительностью, заслуживает более лестного определения: это знание, знание, дарующее человеку превосходство, умение предвидеть.

– Ваше знание несколько сурово обходится с начальными стадиями. У вас замечательные представления о конце; можно надеяться, что вы знаете столь же безошибочные рецепты для начала. Сегодняшнее происшествие, в сущности, принесло вам скудную добычу.

Льевен подмигнул ему.

– Вы забываете о кабриолете, отданном в ремонт. Это же просто подарок небес. Продолжение тут напрашивается так явно, что эта история могла бы стать хрестоматийной, служить упражнением для начинающего. Я готов даже отказаться от этого приключения, уступить его Хольштейну.

– Кто такой Хольштейн?

– Парень, который сегодня участвует в гонке от нашей фирмы. Двадцать три года, великолепен за рулем, в остальном, правда, идеалист, – задатки многообещающие, молодая гончая собака, хороша в травле, для выслеживания негодна.

– Я пришел к выводу: в течение двух лет, что мы с вами не виделись, вы даже стали щедрым. Этот дар...

– Окончательно я пока не решил, и кроме того, по этому вы можете судить, что моя щедрость сочетается со здравым смыслом – она простирается только на те области, где я сам еще чувствую себя неуверенно.

– При такой позиции вам редко придется мучиться раскаянием.

– Тем-то она и полезна. Позиция настолько эгоистичная, что с обратной стороны невольно затрагивает сферы высокой человечности – оберегать других...

Воздух потускнел. Придорожные кусты казались гипсовыми слепками – до такой степени они были запудрены пылью. Между небом и землей висел светлый известковый туман и широкими белыми полосами стелился по полям. Машина за машиной проносились по дороге. Это было шоссе, которое вело к гоночной трассе в Монце.

Солнце мерцало в облаках пыли, отчего его еще труднее было разглядеть. Вереница автомобилей за несколько километров до трассы смыкалась в цепь, которая разрывалась только в местах парковки.

Трибуны были полны, и от них исходило то беспокойное ожидание, какое всегда возникает в переполненных общественных местах, будь то театральные залы или спортивные арены – легкая лихорадка, охватывающая каждого, кто туда попадает. Хлопали флаги, висели в небе рекламные воздушные шары, и гудели, пробуя силы, невидимые моторы.

Льевен был поражен количеством публики. Вместе с Каем он прокладывал себе путь к складу запасных частей, чтобы заглянуть в отсек своего завода. Там царило волнение. Механики стояли группой и что-то живо обсуждали. К Льевену быстро подошел молодой человек. Правая рука у него была забинтована.

– В чем дело, Хольштейн, что это за повязка?

– Я немного защемил себе руку.

– Но ведь с этой повязкой вы не можете ехать! Что же нам теперь делать? – Льевен разглядывал туго забинтованную руку. – Как это случилось?

– Сегодня днем я хотел еще разок проверить масло и для этого поднял задние колеса. Но, должно быть, плохо установил домкрат, потому что пока я заливал масло, машина соскользнула и одно колесо зашибло мне руку.

– И что же?

– Ушиб, ничего страшного. Я поеду.

Льевен недовольно покачал головой. Хольштейн подавленно улыбнулся.

– Я могу ехать, честное слово! Рулить буду главным образом левой рукой. Я прекрасно умею вести левой, правая мне даже и не нужна. Кроме того, для торможения и переключения мы тут с ребятами смастерили крючок. Я примотаю его ремнем к запястью. Будет что-то вроде руки.

Он вынул крючок и показал, как намерен им пользоваться. На Льевена он смотрел боязливо и с какой-то безнадежностью. Потом, в поисках поддержки, обратился к Каю:

– Смотрите, это же совсем просто. Ведь на такой гладкой дороге ничего случиться не может.

Льевен не знал, смеяться ему или сердиться.

– Вашему крючку – этому гениальному крючку – честь и хвала! Изобретение весьма полезное и, возможно, со временем мы начнем конструировать машины с таким крючком. А пока что придется подождать. Ехать вы не можете, заявку мы отзовем.

На лице Хольштейна отразилось отчаяние. Он опять взял крючок и сказал:

– Я покажу вам это в машине, будет гораздо легче и наглядней. Давеча я уже сделал пробный круг.

Он сел на сиденье и пристегнулся ремнями. Льевен крепко взял его за руку.

– Вы просто ребенок, Хольштейн. Когда машина должна делать сто пятьдесят километров в час, то на извилистой северной части трассы, в какой-нибудь узкой петле, вам понадобятся не то что две, а все три руки, чтобы удержать машину и не сверзиться вниз. Жаль, что так получилось. Вы не виноваты, – то, что вы так рветесь ехать, говорит в вашу пользу, но вы не поедете. Это было бы невероятным легкомыслием. Пойду аннулирую заявку.

Он по-товарищески взял забинтованную руку Хольштейна и погладил ее.

– Надеюсь, она скоро придет в норму. – Кивнув Хольштейну, Льевен ушел вместе с Каем.

Хольштейн оторопело смотрел им вслед.

Кай и Льевен протискивались сквозь толпу. Трасса была перекрыта. С минуты на минуту должна была начаться первая гонка.

– Почему вы сердитесь, Льевен? – спросил Кай. – Этот юноша производит хорошее впечатление.

– Он на самом деле хороший, – ответил Льевен, – один из лучших автогонщиков, каких мы могли заполучить, молодой, отчаянно смелый, однако пока еще неосторожный, приходится всякий раз вдалбливать ему, чтобы он строго придерживался инструкций.

Надвигался вой, похожий на рев гранаты. Первые автомобили промчались по трассе. Льевен поглядел им вслед.

– Для меня было крайне важно, чтобы Хольштейн участвовал в этой гонке, ведь мы хотели понаблюдать за нашей машиной. Директор завода, Пеш, уже сидит на трибуне с секундомером. Он еще ничего не знает. Прибыл сюда сегодня утром и позвонил мне, что все в порядке, я могу приезжать. Тем временем он еще съездил в Милан и в наш отсек больше не заглядывал. Пеш собирался с трибуны определить время нашей машины, а я – остановить ее после поворота Лесмо; таким образом, мы хотели не допустить, чтобы она прошла всю дистанцию. Дело в том, что уже во время тренировочных заездов она вызвала у многих любопытство, слишком большое любопытство.

Снова целая стайка автомобилей с шумом пролетела мимо них. Льевен затопал ногами.

– Как это будоражит! Я принимал участие в стольких гонках, что пора бы мне уgomониться. Но каждый раз, когда я слышу мотор, работающий на полную мощность, меня знобит от волнения. Какая досада, что мы вылетели!

Он обернулся. Сзади кто-то позвал его по имени. К нему подбежал один из механиков.

– Пойдемте скорее...

– В чем дело?

– Хольштейн...

– Что с ним?

– Он срывает повязку.

Льевен побагровел от злости и поспешил за механиком. По дороге тот рассказал: когда Льевен и Кай ушли, Хольштейн вполне спокойно повернулся и пошел к машине. Механики хотели его утешить, но, казалось, он их не слышит. Он принялся осматривать машину – включение, педали, потом сел на радиатор и

раскурил сигарету. Тут со стартовой площадки донесся рев моторов и мимо них промчался первый автомобиль. Хольштейна сразу как подменили – он стукнул забинтованной рукой по радиатору и, прежде чем кто-то успел к нему подбежать, крючком содрал повязку.

Льевен и Кай подошли к Хольштейну. Тот был очень бледен, глаза сверкали, губы плотно сжаты. Правая рука висела, повязка была изорвана и в крови.

Льевен взял крючок, который один из механиков вертел в руках, и выругался, но сразу смолк, увидев лицо молодого человека – настолько безумным выглядело оно в эту минуту. Льевен бросил крючок в угол и обнял Хольштейна.

– Я знаю, что это такое – быть участником гонки и оказаться не в силах ехать. Особенно это больно в вашем возрасте – хуже, чем потерять женщину. Вы вправе сейчас ругаться, беситься, да пусть бы вы даже попытались левой рукой – разумеется, левой – согнуть этот крючок, – но вот этого делать было не надо, верно же, вы и сами видите...

У Хольштейна беспомощно дрогнули губы, Льевен взглянул на его кровоточащую руку.

– Вам вовсе не обязательно было выигрывать гонку, мы же хотели только испытать машину...

Хольштейн выдавил из себя:

– Я бы выиграл.

Его белое, как мел, лицо напряглось от муки. Льевен удивленно посмотрел на него и тихо присвистнул.

– Ага, вот в чем дело... Стало быть, вы хотели прорваться, – выходит, нам еще повезло. Но тем не менее испытание мы переносим на следующий раз.

Хольштейн с усилием произнес:

– Это будет уже Большой кубок Милана.

Льевен подтвердил:

– Я знаю. Его мы как раз хотим выиграть.

Хольштейн покачал головой. Вдруг из его широко раскрытых глаз беззвучно брызнули слезы, покатались по щекам, – лицо было мокрое, но по-прежнему неподвижное.

Тут Кай оттолкнул Льевена и подошел вплотную к Хольштейну.

– Я буду участвовать в гонке вместо вас.

– Вы? Когда?

– Сегодня. Сейчас.

Он обратился к Льевену:

– Как вы думаете, можно заменить в заявке фамилию гонщика?

– Вы в самом деле хотите ехать, Кай?

– Меня так и подмывает. Трассу я более или менее знаю, с машиной свыкнусь быстро, а поскольку я не обязан прийти первым, то попытка кажется мне вполне допустимой. Сможем мы заменить фамилию?

Льевена он уже почти убедил.

– Думаю, нет. Но если вы хотите ехать, мы, во всяком случае, немедленно об этом заявим. На каком этапе сейчас первая гонка?

– Начинается третий круг, – ответил механик.

– Вторая длится примерно час. Так что у нас еще есть время, чтобы все подготовить. Лучше всего нам втроем пойти в дирекцию гонок, но сначала – к

врачу.

Хольштейн его уже не слушал. Опредив своих спутников, он протолкался к кабинетам и вызвал директора. Они вступили в переговоры. Директор ушел, чтобы выяснить мнение своих коллег. Тем временем врач наложил Хольштейну повязку. В конце концов разрешение для Кая было получено.

Хольштейн совершенно преобразился. Он заявил, что пальцы у него снова двигаются, и даже осмелился утверждать, будто удар по радиатору способствовал выздоровлению. Недаром же у врача, когда тот увидел его руку, сделалось такое удивленное лицо, – ясное дело, он удивился быстрому улучшению.

– Ну еще бы, – буркнул Льевен и спросил Кая: – Вы полагаете, что еще помните эту трассу?

– Я по ней ездил три года назад. Первые круги я проделаю с осторожностью, чтобы сориентироваться. А как ведет себя машина на поворотах?

– Не скользит, если вы заходите на поворот с середины, – сказал Хольштейн.

– Хорошо. Я постараюсь выяснить, какое у нее время при полной скорости. Покрышки придется менять?

– Да, все четыре, после третьего круга. Мы хотим посмотреть, не слишком ли они стираются на поворотах, чтобы успеть заказать к Миланскому кубку протекторы потолще.

Хольштейн поднял капот двигателя и объяснил Каю некоторые особенности конструкции. Разговор незаметно перешел в дискуссию на технические темы.

Началась вторая гонка. Хольштейн потащил Кая с собой.

– Вам надо переодеться. Возьмите мои вещи и наденьте сверху, они вам более или менее подойдут. Вам нужны брюки, куртка и пояс – или лучше комбинезон? Вот! Защитный шлем хотите? Или шапку на вате, обвитую проволокой? Тоже нет, тогда, значит, легкую гоночную шапку. Очки? Возьмите эти, в них вы хорошо

разглядите на солнце бугры на трассе. На большом повороте покрытие трассы сверху немножко рыхлое, но глубже оно твердое. Так что если из-под колес брызнет гравий, пусть это вас не смущает. Перчатки? Ладно, можно и без них, руль обтянут резиной...

Он хлопотал вокруг Кая, как мать.

– Если вы резко возьмете с места, то можете сразу вырваться вперед. У этой машины высокая начальная скорость. Быть может, вы все же постараетесь победить.

Кай подмигнул ему:

– А вы упрямый...

Подошел Льевен.

– Можете трогаться, Кай, вторая гонка закончилась.

Зарокотал мотор. Кай уселся поудобней. Высокоскоростной двигатель вызывал странное чувство: его вибрация не угасала в кузове, а передавалась телу и проникала в кровь. Машина подъехала к стартовой площадке. Кай назвал свой номер и сообщил о замене водителя. Через две минуты громкоговоритель проревел над трибунами его имя.

Кай рассматривал другие машины. Они стояли в начертанных белой краской прямоугольниках, как в маленьких боксах. Не все водители уже сидели за рулем. Один нервозно разглаживал блузу и поправлял воротник; другой не успел передать свои пожелания; недалеко от Кая еще один с кем-то беседовал, заслоняя собеседника спиной.

Кай старался оставаться спокойным и раскованным. Он установил, что беседующий водитель обут в рантовые коричневые ботинки на резиновой подошве, что его кожаный шлем ему немного тесен, что лодыжки женщины, с которой он разговаривает, безупречны.

Теперь он видел также верхнюю часть руки и длинные перчатки, показавшиеся ему знакомыми. Должно быть, он видел их совсем недавно. Вот мужчина чуть отошел в сторону, и Кай узнал женщину, с которой ездил в Геную: Мод Филби.

С этой минуты гонка стала доставлять ему особое удовольствие.

Кай скользнул глазами дальше, но вскоре почувствовал на себе чей-то взгляд. Он непринужденно его принял, какое-то время с мнимым безразличием выдерживал, не отвечая, потом слегка повернулся в ту сторону, словно хотел разглядеть остальную публику, в последний миг искусно разыграл узнавание и поклонился – спокойно и довольно сдержанно.

Он немного сбил с толку Мод Филби – это было видно по тому, как она его поблагодарила: слишком поспешно и даже сухо, – значит, разозлилась, что он не сразу ее узнал.

Кай больше туда не смотрел, но краем глаза заметил, что она продолжает за ним наблюдать. Мод Филби была явно удивлена, встретив его здесь, среди участников гонки.

Водитель направился к своему автомобилю, и Кай почувствовал, как тот неприметно его разглядывает. Из этого он заключил, что они только что говорили о нем. Он уселся поудобней; жаль все-таки, что он едет не ради приза.

Прогремел выстрел. Взревели моторы, и белая машина Кая рванулась вперед, однако ее обогнали и зажали с двух сторон. Он очутился в стае машин и не мог из нее вырваться. Головная группа ушла на двести метров вперед. Первый поворот Кай взял на скорости в девяносто километров. Машина шла хорошо; во второй раз она лучше одолела вираж и точно его выписала. Довольный, Кай набавил скорость и сохранял ее дальше.

Попытки проверить, как машина справляется с поворотами, стали причиной отставания. Каю пришлось пропустить две машины вперед. К началу третьего круга он дал шпоры мотору. И, застигнутый врасплох необыкновенным запасом его мощности, чуть было не потерял управление. Он обогнал двух соперников, прежде чем остановился у склада запасных частей.

Хольштейн сунул ему в рот сигарету, Кай жадно сделал несколько затяжек.

- Машина идет превосходно.

Механики подвинули гайки.

Головная группа оторвалась на два километра, но Кай уже освоился с машиной и стал нагонять. Он легко обошел несколько машин и стал приближаться к передним. К финишу он спокойно пришел четвертым, на девяносто секунд позднее победителя. Им оказался водитель, с которым разговаривала Мод Филби.

Льевен был доволен.

- Вы поразительно быстро освоили эту машину, Кай. Как вы думаете, есть у нее шанс на приз Европы?

- У нее очень высокая скорость.

Механики принесли покрышки.

- Они лишь немного стертые, по бокам почти в полном порядке, значит, на поворотах у машины была достаточная прижимная сила. Вы не замечали, Кай, чтобы она скользила?

- Нет, она была вполне устойчива. Тренировки надо сосредоточить главным образом на технике поворотов, здесь у этой машины еще есть возможности.

- Завтра утром мы ее разберем и посмотрим, где она больше всего пострадала.

Стайка автомобилей, участников следующей гонки, пронеслась мимо склада. Хольштейн сидел на барьере - он был счастлив.

Он ждал конструктора и заметил его только, когда тот подошел к нему вплотную и воскликнул:

- Сегодня вы так осмотрительно брали повороты...

Довольный Хольштейн указал на Кая и поднял вверх забинтованную руку.

- В машине сидел не я.

Льевен объяснил, в чем дело.

- Какое у вас получилось время? - спросил его Пеш.

Они сверили часы. Льевен расхохотался.

- Нет сомнений, Кай, под конец вы ехали со скоростью почти в сто семьдесят километров.

Пеш оживился.

- Это больше, чем мы ожидали. - Он обратился к Каю: - Как вы полагаете, сколько еще может дать эта машина?

- На мой взгляд - от десяти до двадцати...

Пеш пристально посмотрел на Кая.

- Когда вы узнаете машину получше, то выжмете из нее еще больше.

- До этого, к сожалению, дело не дойдет.

Пеш не обратил внимания на эту реплику.

- Нам необходимо обо всем поговорить. Сейчас я иду в дирекцию гонок. Могли бы мы собраться сегодня вечером?

Кай посмотрел на Льевена.

- Это возможно...

Хольштейн соскочил с барьера и в изумлении крикнул:

– Сюда идет Мэрфи.

Кай наострил уши: эта фамилия была ему знакома – за последние два года Мэрфи приобрел известность как один из самых преуспевающих американских автогонщиков. Кай спросил:

– Разве Мэрфи участвовал в гонках?

– Так он же выиграл, – засмеялся Хольштейн.

Кай не обращал внимания на фамилии других водителей и был удивлен, узнав, что у него есть соперники-иностранцы. Ему пришло в голову, что, видимо, Мэрфи и был тем водителем, который стоял возле Мод Филби. Он с любопытством стал его высматривать – и увидел, что он идет к ним с ней вместе.

Кай обменялся быстрым взглядом с Льевеном.

Мэрфи любезнейшим образом поблагодарил Льевена за помощь, оказанную мисс Филби при аварии. В тот раз она ехала на его машине, поэтому он особенно признателен за то, что автомобиль отбуксировали в хорошую мастерскую.

Льевен ухватился за этот случай, невзирая на то, что выражение благодарности явно было лишь поводом, дабы завязать знакомство, однако и повод пришелся ему весьма кстати. Он заподозрил, что Мэрфи действует по указке мисс Филби, хотя и находил такое начало знакомства не особенно удачным, поскольку, если разобраться, оно демонстрировало более тесную близость между этими двоими, чем ему бы, в сущности, хотелось. Однако поначалу, плененный изысканной элегантностью Мод Филби, он был готов к любому компромиссу; жизнь, не обделившая его успехами по этой части, научила не переоценивать уже существующие связи.

Кай не разделял точки зрения Льевена. Он склонялся к мысли, что у Мэрфи было больше причин воспользоваться этим случаем, чем у Мод Филби. И в этой мысли его утвердило то, что Мэрфи избегал говорить о гонках, хотя, казалось бы, эта тема лежала на поверхности.

Вместо этого он рассказывал забавные сплетни, сыпал ими без разбора, болтал весело, почти игриво; втянул в разговор Хольштейна; благодаря летавшим туда-сюда репликам и смеху Мод Филби сумел создать непринужденное настроение, но использовал его совершенно неожиданно, обратившись к Каю:

– Поздравляю вас с импровизированной гонкой. Если бы вы тренировались, я был бы побит.

Слова эти он бросил любезно и небрежно, явно настроившись на безупречную вежливость, которая грешит преувеличениями и знает, что ее с обеих сторон не принимают всерьез, а оценивают лишь как проявление дружелюбия. И прибавил с опять наметившейся улыбкой, словно готов был выдать следующий анекдот:

– Ведь под конец вы делали почти сто семьдесят километров в час...

Мэрфи смотрел куда-то мимо Кая, по-видимому, у него было много других дел, он положил руку на повязку Хольштейна, и, казалось, ответ интересует его меньше всего на свете. Но в этот миг Кай понял, что все предыдущее действие Мэрфи затеял только ради этого вопроса и теперь с нетерпением ждет ответа.

Мэрфи ничем не выдал своего разочарования, когда Кай равнодушно произнес:

– Вы правы, мотор был не совсем в порядке.

Тем не менее свою программу тот выполнил, обронив как бы на прощанье:

– Теперь мы будем часто видеться на трассе...

Кай не хотел еще одним уклончивым ответом создать впечатление, будто ему необходимо что-то скрыть. После такого дебюта Мэрфи Кай счел его хорошим, но торопливым дипломатом и хотел ему показать, насколько все это для него несущественно. Он пожал плечами и одним словом: «Возможно...» – намеренно намекнул на нечто большее, чем на самом деле имел в виду.

Однако при этом он как бы ненароком смотрел на Мод Филби и уловил в ее глазах насмешку над тщетной попыткой Мэрфи. И сделал вывод, что хоть она и догадывалась о желании Мэрфи присмотреться к новому конкуренту, но его не

поддерживала. Это подстегивало Кая развивать ситуацию дальше.

Мод Филби со своей стороны поняла, что ей представился прекрасный случай завести флирт с острыми моментами, увлекательную игру, где обе стороны подзадоривают друг друга. Она не была бы американкой, если бы за это не ухватилась; казалось уж слишком заманчивым устроить рыцарский турнир, почувствовать себя призом и при этом остаться в выигрыше самой – от этих своих партнеров она ждала многого. Пусть все еще оставалось неопределенным, ее решение оттого созрело только быстрее.

Льевен уже составил план. Он собирался тактично разведать, каковы отношения Мод Филби и Мэрфи, чтобы затем методично и человеколюбиво их разрушить и в решающую минуту оказаться на месте; он знал, что не так важно взять женщину в плотную осаду, как подстеречь у нее момент беспомощности и его использовать – использовать те странные периоды слабости, какие случаются даже у самой защищенной женщины, когда она, не сопротивляясь, становится добычей первого мужчины, который это заметит (слава Богу, замечают редко). В любви он был своего рода мародером и не строил себе иллюзий на этот счет; по его мнению, именно в этой области трудно соблюдать правила и сражаться лицом к лицу – идя прямым путем, далеко не всегда удастся удовлетворить свои претензии к жизни.

Причудливый ромбоид, сложившийся из этой затаенной заинтересованности друг в друге, скреплял их знакомство гораздо прочнее, чем открытая взаимная симпатия. Веселая и оживленная Мод Филби пригласила всех на чаепитие в один из ближайших дней.

Пеш уже дожидался Кая и Льевена. Он предложил им еще сегодня вечером съездить в Геную. До наступления темноты оставалось несколько часов, и Льевен считал, им хватит времени, чтобы в быстром темпе проделать большую часть пути.

По дороге они почти не разговаривали. Кай удобно расположился на сиденье и несколько часов спал. Он устал за день и уверял, что не бывает лучшего сна, чем в машине, делающей девяносто километров в час, – пусть подобный сон не такой уж глубокий и крепкий, зато это с лихвой возмещается чувством растворения смежных понятий; ты словно перемещаешься оттуда сюда: из смутного

сознания, что с быстротою ветра мчишься в машине, – во вневременную скорость летящего сна, прихватывая что-то из одного состояния в другое. Однажды, проснувшись, Кай объяснил это заскучавшему было Пешу как блуждание в хаосе и после такого глубокомысленного оправдания с чистой совестью заснул снова, до тех пор, пока они не начали с грохотом взбираться по въезду к замку Мирамаре.

Ужинали они поздно и заказали столик на террасе. Позади них поблескивали широкие застекленные двери ресторанный зала; впереди, глубоко внизу, поймав последние лучи солнца, еще плыли над темнотой редкие пучки листвы пальмового сада.

Улица Сан-Бенедетто тонула в блеклом свете; свод Главного вокзала горбатился слева над кляксой ночи, которую он ревниво охранял. Далеко позади, во тьме, одиноко висела светящаяся надпись: «Отель „Савой“».

Пеш откинулся на спинку кресла и спросил Кая:

– Как вам понравилась наша машина?

– Хорошая машина.

– Вы еще не раскрутили ее на полную мощность. На следующих гонках надо будет выжать из нее побольше.

Кай кивнул. Пеш выжидающе молчал. Потом он ощупью двинулся дальше:

– До тех пор можно еще основательно потренироваться...

– Конечно, до тех пор рука у Хольштейна уже совсем заживет.

Вмешался Льевен:

– Зачем мы играем в прятки? И зачем вы увильваете, Кай? Каждый знает, чего хочет другой.

– Так оно и есть, – с улыбкой заметил Кай. – Вы хотите, чтобы я участвовал в гонках на кубок Милана?

– Да, – отозвался Пеш. – Об этом я и хотел с вами поговорить.

– Вы слишком торопитесь. У меня нет желания гоняться. Я приехал сюда всего несколько дней назад и, возможно, через несколько дней уеду опять. Принимая во внимание причины, которые привели меня сюда, трудно загадывать вперед на такой долгий срок – на целый месяц. Я оказался бы связан по рукам и ногам, а именно этого мне хотелось бы избежать.

Пеш не сдавался:

– Я рассматриваю миланские гонки только как прелюдию. Главное, – он сделал внушительную паузу, – это европейский чемпионат, гонки по горной трассе, в которых вы тогда выступили бы от нашей фирмы.

– Европейские гонки по трассе Тарга – Флорио. Вы же по ней ездили, Кай, четыре года тому назад. – Льевен в нетерпении нагнул вперед.

Пеш медленно добавил:

– В вашем распоряжении будет все необходимое.

Кай молчал. Пеш продолжал:

– Связывать вас будет только дата гонки.

Кай ничего не ответил. Пеш подвел итог:

– Характер, длительность и сроки тренировок мы целиком и полностью оставляем на ваше усмотрение. – Пеш умолк, ожидая ответа.

Кай долго медлил. Он хорошо знал волшебное действие моторов, в сравнении с которым всякий другой спорт казался дилетантским. Сегодня он опять его почувствовал; почувствовал, как любил то превращение, что происходило с человеком, когда он садился за руль гоночного автомобиля и весь его опыт, весь

ум – итог целой жизни, – устремлялся к одной бессмысленной цели: оказаться на несколько секунд быстрее, чем другие люди в похожих автомобилях. Суть рекорда заключена в его человеческой бесполезности; именно поэтому он так жестко и неотступно спрессовывает желание победить в высочайшее напряжение и распалает лихорадку столь высоких ожиданий, как будто речь идет о важнейших мировых проблемах, – а ведь, в сущности, дело сводится к тому, чтобы отвоевать у некоторых совершенно безразличных тебе людей, которые, возможно, любят пикейные жилеты или с удовольствием едят ростбиф, несколько метров пространства.

Не то чтобы Кай недооценивал переживания такого рода, но ему представлялось, что они еще далеки от желанной полноты чувств, еще не дают достаточного простора для воодушевления, с каким он сюда приехал. Ему претило сразу отдаваться в их власть. Он поднялся.

– Нет, не хочу – я не готов еще принять решение...

Пеш кивнул.

– Как вам будет угодно. Обдумайте наше предложение. Я пробуду в Сан-Ремо еще неделю. Буду вас ждать...

Кай повернулся к Льевену:

– Можем мы завтра выехать с самого утра? Я немножко беспокоюсь за Фруте. Она не привыкла долго оставаться одна. А сейчас пойдете спать.

Он еще какое-то время постоял на балконе, упрекая себя в том, что не взял собаку с собой. Она была к нему очень привязана и наверняка по нему скучает. Он решил на другой день купить ей фунт говяжьего филея. Это была ее любимая еда.

У Мод Филби была такая естественная манера требовать, чтобы ей воздавали дань, что ее требованиям шли навстречу, даже если кому-то этого и не хотелось, – было все же удобней не открывать с ней перекрестный огонь, когда можно его избежать. Она владела множеством тонких приемов флирта и признавала только конечный успех, – все остальное считала блефом.

Тактику Льевена – зондирующее ожидание – она раскусила уже на второй день; таким образом он был причислен к определенному разряду и потерял для нее интерес. Что же касается Кая, то он относился к ее заходам с вежливым безразличием, на сопротивление с его стороны она не наталкивалась, а потому и не знала – попала она в цель или нет.

Она слишком долго прожила в Америке, чтобы обладать способностью к поистине изысканному флирту, любила дуэли и виртуозно сражалась, но секрет едва уловимых движений и их могучего воздействия остался от нее скрыт.

Того, что Кай на нее просто не реагирует, она понять не могла и считала это пассивным сопротивлением. Хотя она не всегда отдавала себе отчет в том, какая перед ней цель, у нее было уже достаточно европейского опыта, чтобы учитывать и такую возможность, но еще мало для того, чтобы в делах флирта, искусства чисто европейского, не впасть в типично американскую ошибку: воспринимать его не как самый пленительный, изящный и немного печальный (ибо в своей печальной мудрости он смиряется с несбыточностью желаний) вид светского развлечения, а как спорт, в котором, естественно, может быть только happy end.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гамелан – индонезийский национальный оркестр, состоящий из гонгов, барабанов, ксилофонов, металлофонов, отдельных духовых и смычковых инструментов. – Примеч. пер.

2

Частный клуб (фр.).

3

Сполна (фр.).

4

Большой карниз (фр.) – горное шоссе вдоль Лазурного берега. – Примеч. пер.

----

Купить: <https://tellnovel.com/erih-mariya-remark/stanciya-na-gorizonte-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)